

Николай ЛАМАН

У нас, комсомольцев завода «Электропровод», была подшефная школа. Мы считали необходимым ознакомить школьников с нашим производством. На одной из первых встреч влюбленные в «настоящий» завод мальчишки и девчонки встретились со старейшим нашим рабочим — Алексеем Николаевичем Романовым. Он неторопливо рассказывал о дореволюционном фабричном житье-бытье. И между прочим сказал:

— Был у нас на фабрике театр рабочих. Сам Константин Сергеевич Станиславский организовал его. Даже корпус специальный для театра построил — вон тот, кирпичный. Я тоже артистом был. Ох, и давно это было...

Упоминание имени Станиславского произвело огромное впечатление. Все стали расспрашивать...

Когда любопытные и требующие все новых и новых рассказов школьники ушли, я спросил у Романова:

— Алексей Николаевич, а разве нельзя найти еще кого-нибудь из актеров фабричного театра?..

— Вряд ли. Уж очень давно это было.

Но я решил во что бы то ни стало восстановить историю этого забытого театра, созданного человеком, имя которого знает весь мир.

Я перебрал фонды многих библиотек. О фабричном театре Станиславского нашел только в одной книжке фразу: «При золотоканительной фабрике, являющейся крупнейшей в России, для рабочих создан небольшой театр и имеется приемный покой». Это сообщение обрадовало меня мало. Я знал больше. Романов рассказывал, что труппа фабричного

Забывтый

театра насчитывала человек 50—60. Режиссером был Михаил Николаевич Николаев, начальник отдела продажи, веселый и обаятельный человек. Он часто советовался со Станиславским. Иногда Станиславский присутствовал на репетициях и учил актеров.

На золотоканительной фабрике существовала специальная «Книга записей директоров», куда каждый директор вписывал отданные им распоряжения и копии документов. Такая книга оказалась у меня в руках. 1902 годом был помечен протокол заседания правления под председательством Станиславского. На этом заседании было решено «в целях улучшения быта» построить на территории фабрики театральный корпус с читальней, библиотекой и чайной. На строительство театра отпущено 37 тысяч рублей. Протокол был подписан Станиславским (я уже знал наизусть каждый завиток его энергичной подписи — «К. Алексеев»). В следующем, 1903 году главный инженер завода вписал в «Книгу записей директоров» проект прошения на имя обер-полицмейстера о разрешении на открытие театра.

Очевидно, театр был открыт где-то между 1903 и 1905 годами, потому что начиная с пятого года в «Книге записей директоров» мелькало много замечаний, относящихся к театру. Рукой Станиславского было, например, написано: «В связи с повышенным интересом рабочих и служащих к театру увеличить количество мест. Для этого купить 350 стульев». Попадались любопытные записи: «О режиссере. Обязательство не ставить скабрзные вещи».

В разгар архивных изысканий мне позвонил однажды директор

музея МХАТа Федор Николаевич Михальский. Он принимал деятельное участие в поисках и сообщил, что в газете «Русские ведомости» от 25 апреля 1904 года ему посчастливилось найти заметку об открытии при золотоканительной фабрике Вл. Алексеева, Вишнякова и Шамшина театра «с постоянной сценой». Театр родился 24 апреля 1904 года. Показан был спектакль «Лес» Островского. Режиссером спектакля «Русские ведомости» называли Станиславского.

Я вновь стал продолжать поиски людей, знающих этот театр.

В бумагах фабрики сохранилась копия паспорта главного бухгалтера Алексея Матвеевича Ульянова. Может быть, он жив? Хотя едва ли — родился в 1863 году... Но у Ульянова, я узнал, были дети: две дочери и три сына. Мосгорсправка сообщила мне их адреса.

Ульяновы отослали меня к вдове актера фабричного театра Александра Николаевича Приданцева. Из комода, со дна ящика, Надежда Ивановна Приданцева достала старую папку. В ней лежала программка. Да какая! Типографски отпечатанная на салфеточной бумаге, обрамленная изящным малиновым орнаментом, она, казалось, хранила запах праздника. Я невольно понюхал ее. Надежда Ивановна засмеялась:

— Она теперь не пахнет ничем. А раньше пахла тончайшими духами. Получишь такую надушенную нарядную программку — и сразу становится весело на душе.

Через несколько дней после этого посещения Надежда Ивановна позвонила мне.

— Я вспомнила, — сказала она, — одну женщину, муж ее был актером нашего театра. Я забыла ее

фамилию, но знаю, где она живет — такой старый дом на углу Ульяновской.

Вот передо мной старый угловой дом на Ульяновской.

Софья Михайловна Иванова, хозяйка одной из квартир, дала мне три старые, выцветшие фотографии — сцены из какого-то спектакля с участием ее мужа, но кто еще изображен на них, так и не смогла вспомнить.

Я несу фотографии Романову.

— По-моему, это не наш театр, — говорит он. — У нас занавес раздвигался, а тут, смотрите, занавес опускается.

И вдруг неожиданно добавляет:

— Помните, я вам рассказывал о режиссере нашего театра Михаиле Николаевиче Николаеве? Его зять, Борисов, живет в Салтыковке. Хотите — съездите к нему.

Аркадий Николаевич Борисов очень стар — ему 83 года. Долго прицеливался он через очки на одну из фотографий, поворачивал ее так и этак и вдруг:

— Это же я! Я снят на фотографии! Видите — с балалайкой, в парике и лаптях. Емелю в «Простушке и воспитанной» играю!..

— Почему же вас не узнал Романов? — спрашиваю я.

— Так Романов начал играть в новом, фабричном театре. А это мы еще на Большой Алексеевской, в столовой играли. Константин Сергеевич за неимением помещения распорядился здесь небольшой театр для нас устроить. Сцену ставили на козлы да скамейки составляли...

Фраза из «Русских ведомостей» приходит мне на память: «24 апреля 1904 года открыт театр с постоянной сценой...» Так вот почему репортер специально сказал о постоянной сцене (раньше сцена была временная)!

— Когда же это было, Аркадий Николаевич?

— А было это, голубчик, в 1903 году.

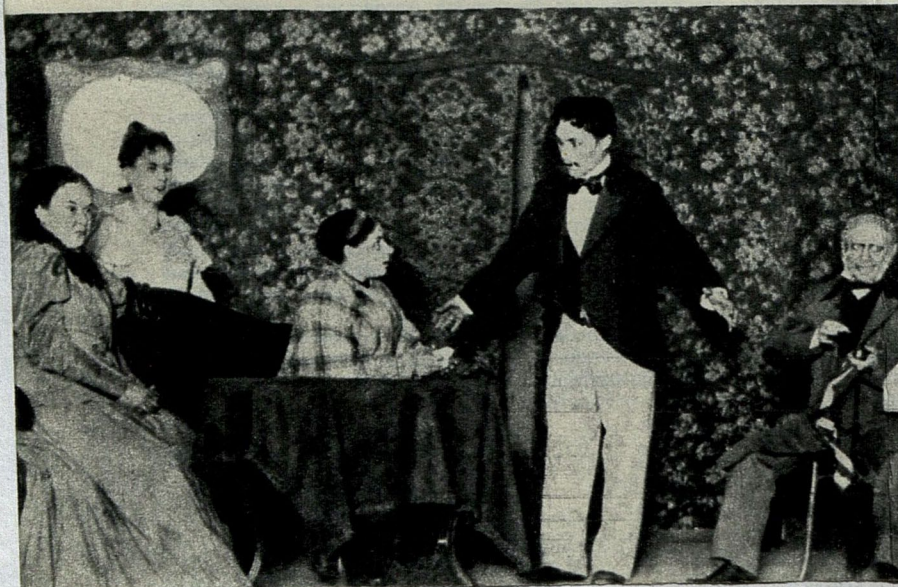
— Почему вы так уверены?

— Еще бы мне не быть уверенным! — смеется Аркадий Николаевич. — Я женился на дочери Николаева в конце третьего года, и жена мне категорически запретила играть на сцене.

Аркадий Николаевич опознал почти всех артистов на моих фотографиях. Много веселого и интересного рассказал о театре.

Но ни с кем из живых актеров

т е а т р

Сцена из спектакля «Тяжелые дни». 1903 год. Фабричный театр Станиславского.

В. С. Швейкова и А. Н. Романов в водевиле «Голодный дождик». 1908—1909 годы.

театра Борисов связать меня не сумел. И снова помог Романов. Вернее, его жена. Однажды, когда я (в который раз!) сидел у них, жена Романова вдруг сказала:

— А помнишь, Алеша, ты играл на сцене вместе с Верочкой Шевяковой?

Через день мы сидим уже четвергом — с нами Шевякова Вера Степановна.

— Как мы с вами играли, Алексей Николаевич, в водевиле «Голодный донжуан», — говорит Шевякова. — Вы играли влюбленного гимназиста, а я — гимназисточку, вашу любовь. Как вас тогда вызывали! Вы даже от радости прямо в гриме побежали фотографироваться на Таганку... Давно это было. Больше полувека назад. И мы с вами были совсем не такие...

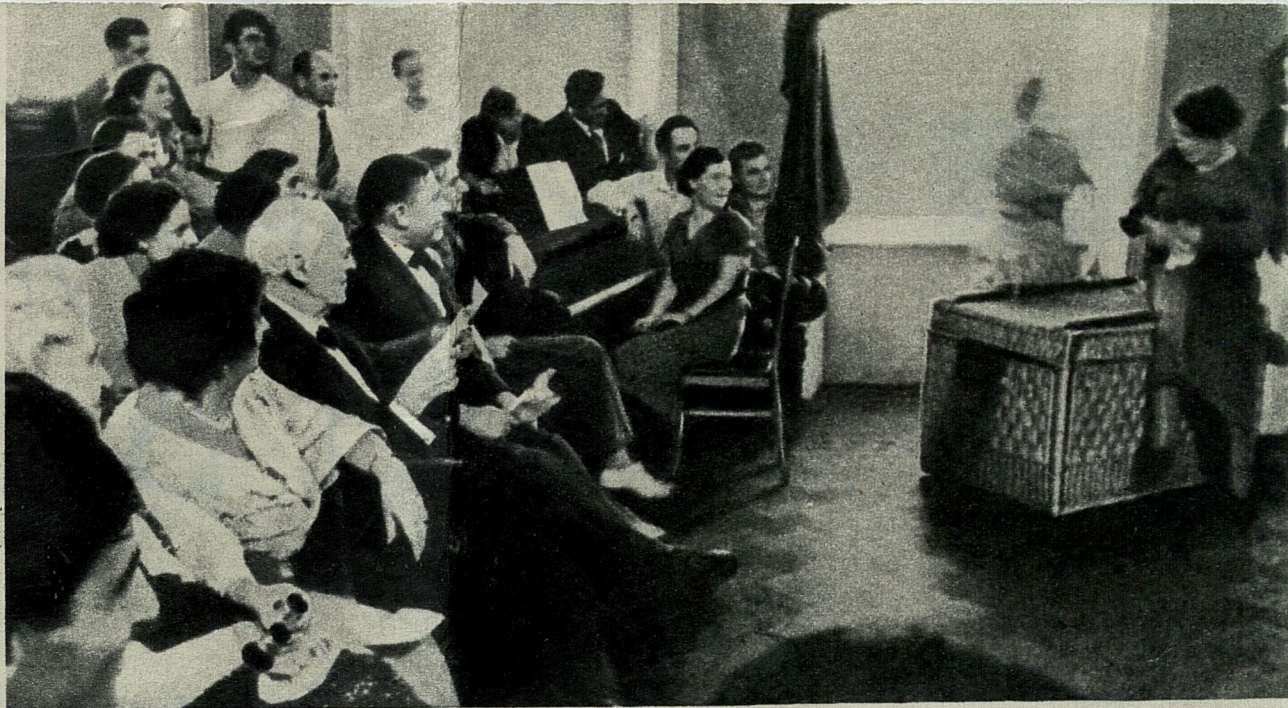
Но, честное слово, они остались такими же — увлеченными, обаятельными, прекрасными людьми. Такими мне показались и все люди, причастные к жизни замечательного театра, открытого на фабрике 24 апреля 1904 года и закрытого в 1910 году, когда помещение понадобилось под новый цех расширяющегося предприятия: золотоканительная фабрика превращалась в меднопрокатный и кабельный завод... Театральный корпус не смог отстоять даже его организатор и попечитель — Константин Сергеевич Станиславский.

Перед закрытием театра Станиславский выговорил у правления следующие условия: ежедневно (кроме субботы и воскресенья) завод предоставляет рабочим бесплатные места в Художественном театре. Перевозку рабочих в театр и обратно завод берет тоже на себя.

В жизни рабочих театр остался. Труппа фабричного театра не распалась — она перешла играть в Охотничий клуб. И через несколько лет, в 1915 году, Станиславский сумел снова организовать самостоятельность на заводе. Репетиции проходили в помещении школы, попечителем которой стал Станиславский. Из МХАТа Станиславский пригласил в качестве режиссера артиста Шарова. Снова после репетиций пили чай: монументальный школьный швейцар важно вносил огромный кипящий самовар... После каждого спектакля для актеров устраивали маленький банкет. Станиславский выделил специальные средства на эти угощения, верный своему желанию обставить всю «театральную» жизнь рабочих как можно радостнее и ярче.

К этому времени у рабочих завода «Электропровод» была уже «своя» ложа в Художественном театре. Они ходили туда со своим режиссером, смотрели игру лучших артистов России, в антрактах и после спектакля Станиславский беседовал с ними, показывал декорации, объяснял, как получаются казавшиеся в то время удивительными световые эффекты в спектакле «Синяя птица». Артисты заводской труппы с увлечением учились актерскому мастерству у своих коллег из МХАТа.

Может быть, кто-нибудь из читателей «Огонька» поможет мне дополнить историю рабочего театра, созданного Константином Сергеевичем Станиславским?

Старые, полувыцветшие фотографии из архива. 1 у каждой своя история...

* * *

В Музее К. С. Станиславского под этим снимком подписали: «Репетиция оперной студии на квартире Константина Сергеевича. Рядом со Станиславским — Антонина Васильевна Нежданова и Николай Семенович Голованов». И добавили: «А вот в простенке между окнами стоит Михаил Кузнецов, известный киноактер...»

Мы, признаться, усомнились: оперная студия — и вдруг Кузнецов? Михаил Артемьевич в эти дни был в Киеве, снимался на киностудии имени Довженко в картине «Серебряный тренер».

Звоним по телефону на студию, спрашиваем про снимок.

— Все правильно, — говорит Кузнецов. — С 1935 года я действительно занимался в оперно-драматической студии Станиславского.

В тот день, когда нас снимали (это было весной или в начале лета 1938 года), шла репетиция оперы «Чио-Чио-Сан». Константин Сергеевич был тогда уже очень болен, занимался только с разрешения врачей. И мы, студенты, старались ходить на все его занятия, чтобы не пропустить и запомнить каждое указание, каждую мысль Константина Сергеевича. Нередко, бывало, врачи разрешали ему репетировать час, а он, увлекшись, занимался часов шесть. Да, для всех нас, его учеников, это были незабываемые дни...

* * *

Н а снимке написано: «Занятие драматической студии Станиславского. Рядом с Константином Сергеевичем сидит его сестра — Зинаида Сергеевна Соколова, дальше — народная артистка РСФСР профессор М. И. Кнебель».

Мы встретились с Кнебель в коридоре ГИТИСа. Она уже много лет преподает здесь — ведет кафедру режиссуры.

— О, я хорошо знаю эту фотографию! Она висит у меня в комнате над письменным столом.

В начале 1936 года Константин Сергеевич вызвал меня к себе в Леонтьевский переулок. «Хотите преподавать в моей драматической студии художественное слово?» — спросил он.

— Но я актриса. Вот уже пятнадцать лет актриса Художественного театра.

— Вот и хорошо, что актриса, вот и хорошо, что нет опыта, значит, еще не выработалось и штампа...

Так я стала ученицей и помощницей Станиславского, «учила учась». Каждое свое занятие он заканчивал вопросом: «Какие сегодня вам удалось сделать для себя открытия?»...

Старые фотографии

* * *

Э то делегация работников искусств у Станиславского. Слева направо: С. Бирман, А. Азарин, В. Марецкая. Вера Петровна Марецкая рассказывает об этом посещении:

— Константин Сергеевич был уже болен, мало бывал даже в своем театре, а в другие совсем не ходил, и мы, артисты самых разных театров, решили пойти к нему и устроить для него концерт.

Я сидела в зале за Станиславским и, признаюсь, больше смотрела на него, чем на сцену. Какой это был зритель! Чуткий, восприимчивый и очень добродушный и непосредственный.

Я не помню, чтобы когда-нибудь потом слышала такой безудержный, заразительный смех. Особенно когда выступал Хеннин, Станиславский хохотал буквально до слез.

